

— *Frau Hoffman! Herr Milton! Meine Freunde. Ein Foto! Kommen Sie hierher*¹. На плед, сюда... — Он указал на то место, где сидели Эльза и Огден. Все послушно направились к пледу, подчиняясь призыву полковника.

— Ты нам нужен, — быстро сказала Эльза, склонившись к Огдену.

— Нам?

— Герхарду, — кивнула она. — И другим.

— Эльза... — запротестовал Огден. — Что я могу сделать?

— *Ach*. — Она отвернулась. — Твоя смелость по-прежнему ограничена твоим комфортом.

Он отпрянул, уязвленный.

— Ближе, — шутливо нахмурился Пютцграф. — Намного ближе.

Огден подтянул колени к груди и обхватил их руками.

— Не стоит быть такой высокомерной, Эльза. — Он смотрел прямо в объектив. — Тебе это не идет.

— *Eins, zwei...*² — считал полковник.

— Не идет? — Хриплый безрадостный смех Эльзы прозвучал одновременно со вспышкой.

— *Sehr gut!*³ — Пютцграф победно вскинул кулак.

Китти пересекла Центральный парк у Семьдесят второй улицы и теперь шла на восток, к реке. Она чудесно провела время. В филармонии давали Мендельсона; Китти с матерью столкнулись сначала с миссис Уильям Фиппс, а затем неожиданно с Уилмердингами. Китти посадила мать в такси, а сама решила проделать остаток пути до дома пешком.

¹ Фрау Хоффман! Герр Милтон! Друзья мои. Сделаем фото! Идите сюда (*нем.*).

² Один, два... (*нем.*)

³ Очень хорошо! (*нем.*)

Остановившись на перекрестке, она стала ждать, когда на светофоре загорится зеленый.

На другой стороне улицы, защищенный зелеными навесами и отполированными латунными ограждениями, стоял дом номер 1 по Саттон-Плейс, один из многочисленных ничем не примечательных гранитных строений Верхнего Ист-Сайда; его выдавал только адрес: ничто в скромном фасаде не указывало на прятавшееся за ним богатство. Это было сделано намеренно. Когда в 1887-м возвели это здание, первые домовладельцы (из угловых квартир с видом на Ист-Ривер) чувствовали, что массивные, довольно вычурные особняки на Мэдисон и Пятой, принадлежавшие выскочкам вроде Фрика и Рокфеллера, не вынесли бы повторения.

Их тут и не пытались повторить, размышляла Китти, в восхищении рассматривая старое здание, невозмутимое, словно пожилой дядюшка. Ее восхищало все. Все вокруг. Солнечный свет. Этот день. Подняв глаза, Китти сосчитала этажи до четырнадцатого, где тянулись окна ее квартиры.

Даже теперь — через семь лет после того, как по возвращении из свадебного путешествия Огден молча подхватил ее на руки и понес, сменяя дорожный костюм, прямо к двойным латунным дверям, а потом в вестибюль, вызвал лифт, прижал к обитой атласом стене и поцеловал, — даже теперь, здесь, перед их домом, ее порой пронзало острое мимолетное чувство, будто все это просто игра. Она шла по дорожке своей жизни с непринужденным изяществом, легко ступая по брусчатке. Вот Китти Милтон шагает с охапкой цветов для прихожей, вот она за ланчем, вот стоит рядом с мужем, держа его под руку; ее дети появляются на свет с идеальной, здоровой периодичностью в два года. Если кто-то отмечал пункты в списке (а Китти знала, что такие люди были; она росла под пристальными взглядами сплетниц и вдов, что сидели на стульях с жесткими спинками в садиках и гостиных, располагавшихся между 12-й

и 28-й улицами Ист-Сайда), то все это доказывало: Китти Хотон успешно справилась.

Принося клятву любви, почтения и послушания, Китти и не подозревала, что с Огденом будет так легко держать слово. Что она будет делать это столь охотно. Что ее желания совпадут с его желаниями. Китти была свойственна естественная сдержанность. У нее никогда не возникало потребности выговориться, раскрыть душу, резко устремиться вперед. Хладнокровная, спокойная, рассудительная, она знала, что именно эти качества привлекли к ней Ога. И все же, когда он пришел к ней в первую брачную ночь и положил ладонь на ее обнаженную руку, ее тело потянулось ему навстречу, словно внутри ее пряталась другая девушка, ждавшая этой минуты. Вспоминая об этом, Китти ощутила дрожь.

Мысль о детях, принимающих ванну, о выставленных в баре напитках на случай неожиданных гостей, о единственном приборе за длинным столом, накрытым к ужину, о приготовленной к ночи постели и задернутых занавесках наполнила ее радостью. Ее дом — полная чаша. Это вовсе не игра.

Загорелся зеленый свет, и Китти шагнула с тротуара на мостовую, навстречу двум маленьким девочкам в накрахмаленных платьях; девочки смотрели прямо перед собой и с обеих сторон держались за коляску с младенцем.

— Поторопитесь, — выдохнула няня, приподнимая передние колеса коляски, чтобы заехать на тротуар. Девочки молча взошли на бордюр, держась за коляску, как за петли подъемника.

— Нам обязательно идти в парк? — спросила старшая девочка, когда Китти поравнялась с ними.

— Да, мисс Левенштайн, обязательно.

Евреи, отметила про себя Китти, направляясь к темно-зеленому навесу над отполированной до блеска дверью, и

непроизвольно выпрямилась. Маленькие еврейские девочки. Здесь, в Верхнем Ист-Сайде.

— Привет, Джонни. — Она кивнула швейцару, улыбаясь.

— Миссис Милтон, — кивнул он в ответ, придерживая для нее дверь; в руках у него был плюшевый мишка, принадлежавший Недди.

— О боже, опять? — Китти с улыбкой взяла у швейцара потрепанного мишку. — Это же игра, понимаете. Вы их только поощряете.

— Зато есть чем заняться. — Глаза Джонни смеялись. — Мне не трудно.

— Правда? — Китти изогнула бровь в знак благодарности. Под униформой — любой униформой — все мужчины прячут желание поиграть в мячик.

«Все равно нужно поговорить с Недди», — пообещала она себе, шагая к лифту по черно-белым плиткам пола. Ее сыну не следует полагаться на дружелюбие Джонни. У Джонни есть работа, и он не обязан подбирать плюшевую игрушку, которую Недди выбрасывает с четырнадцатого этажа, проверяя, умеет ли мишка летать.

Китти улыбнулась. Недди, который ни минуты не мог посидеть спокойно, Недди, которого нужно было крепко держать за руку, — он любил самостоятельно исследовать окружающий мир. Никто не готовил ее к появлению мальчиков, с их порывистыми метаниями то туда, то сюда, словно в погоне за запахом, который неизбежно приводит их к неприятностям. Маленькие хорьки.

Китти дождалась, пока кабина с гудением опустится и слегка подпрыгнет, после чего поднимется решетка и откроется дверь.

— Привет, Фрэнк, — поздоровалась Китти с лифтером и вошла внутрь.

— Миссис Милтон. — Фрэнк скользнул по ней взглядом и задвинул решетку.

В молчании они проехали четырнадцать этажей; две пары глаз наблюдали, как меняются цифры на табло. На нужном этаже Фрэнк повернул рукоятку, замедляя движение кабины, которая остановилась на уровне лестничной площадки. Затем открыл двери и замер в ожидании.

— Спасибо, — сказала Китти, мельком глянув на себя в зеркало, висевшее в центре крошечного закутка возле лифта. Щеки у нее порозовели, в глазах все еще сияло удовольствие от приятно проведенного дня.

В библиотеке горел свет. Правее предвечернее солнце подсвечивало кусочек гостиной, а за окнами виднелась яркая зеленая весна, машущая верхушками деревьев. Китти сбросила пальто, достала вешалку из кедрового платяного шкафа, просунула деревянные планки под плечики и повесила его на штангу рядом с пальто Огдена. *Мистер и миссис Милтон*. Она улыбнулась висящей в шкафу парочке, коснулась рукава мужниного пальто и уткнулась в его воротник, объятая дикой, необузданной любовью к этому пальто, к своему пальто, к прихожей и... *Нет, это просто смешно*. Она снова улыбнулась. Что за нелепость. Но радость, охватившая ее еще в такси, оставалась с ней во время концерта в филармонии, а потом в парке; ее сердце заполнял чистый свет, пока она шла домой, открывала окна, о боже, как же ей хотелось вырваться из своего тела, поняла она, отступая от шкафа и закрывая в нем два пальто.

«Огден, — подумала она, — возвращайся домой».

Когда ее кузен Данк Хотон впервые привел Ога, только что вернувшегося из Германии, на светский прием к ее бабушке, все произошло мгновенно: вот Китти с сестрой Эвелин стоят у дверей библиотеки, скучающие и надушенные, но готовые принимать гостей на очередном музыкальном вечере, — а через мгновение все становится иначе.

Она стала совсем другой. Стоя рядом с Эвелин, она услышала шум за спиной: распахнулась входная дверь, мужской

смех застучал по диванчику, обитому желтым шелком, по стульям с гнутыми ножками — *привет, Баркер, здравствуйте, джентльмены, позвольте взять ваши шляпы,* — и ворвался прямо в гостиную, где бабушкины гости искали, куда бы сесть.

«Иди посмотри, что там!» — прочла Китти безмолвный приказ в глазах бабушки. Она выскользнула за дверь и оказалась в холле как раз в тот момент, когда Данк с гордостью произнес:

— Смотри, Огден. Вот о чем я говорил..

Данк указывал на портрет ее бабушки работы Джона Сингера Сарджента, висевший над входом в библиотеку за спиной Китти (*слишком высоко*, как недовольно заметил низкорослый музейный куратор, заглянувший однажды в гости). Но мужчина рядом с кузеном смотрел не на картину.

— Вижу, — сказал он.

Китти вспыхнула.

— О да. — Данк повернулся к другу и одобрительно хлопнул в ладоши. — Да, это моя кузина Китти. Цветок совсем другой эпохи.

Молодой человек пересек разделявший их ковер и взял ее за руку.

— Огден, — представился он.

Милтона с Пьерпонт-Плейс кто угодно счел бы выгодной партией, хотя он был куда старше Китти и много времени провел за границей — поговаривали, что где-то у него есть женщина. Но у стоящего перед ней мужчины были синие глаза, худое лицо и открытая улыбка, которая, как ей казалось тогда, — ее рука лежала в его ладони — сияла для нее одной. Он опытен. Очень хорошо. Она нисколько не боялась. Она не такая, как мать. Жизнь мужчины проникает повсюду, течет, как пролитая вода. А прошлое — это просто прошлое. Он пришел к ней, раскрыв объятия и сердце, и началась их история.

Всю жизнь Китти постепенно продвигалась вперед, слегка придерживаясь за шнур, натянутый между вехами женской жизни. Она твердо знала, что девушке не следует ничего говорить, пока к ней не обратятся, а открыв рот, не следует произносить ничего такого, что могло бы вызвать раздражение или беспокойство. Следовало говорить «блуза», а не «кофточка», «белое мясо», а не «куриная грудка». Хорошие манеры представляли собой основу цивилизации. Можно было точно определить, с кем следует садиться рядом, ориентируясь на поведение и манеры потенциального соседа. После еды нож и вилку требовалось положить на тарелку так, словно они стрелки часов, показывающие двадцать минут пятого. Нужно было держать спину прямо и не жестикулировать во время разговора, чтобы тебя не приняли за итальянку или еврейку. Женщине полагалось следить за садом, ребенком и светской беседой. Женщине следовало знать, как регулировать температуру в гостиной: добавить немного огня вовремя заданным вопросом или охладить накал с помощью напитков, вазы с орехами или улыбки.

В школе мисс Сара Портер научила Китти важной истине. Эту мудрость учительница получила через поколения преподававших здесь старых дев, чьи братья учились в Йеле и передали им великие слова «Правда. Верность. Честь»: твои братья, мужья и сыновья будут править, а ты будешь заботиться. Ты будешь наблюдать и предлагать, направлять и защищать. Ты будешь нести факел, и это к лучшему.

Еще был большой мир. За ним следовало пристально наблюдать. Изучать его историю, понимать причины идущих в нем войн, обсуждать и спорить на уроках. И постепенно возникала картина развития человечества на протяжении столетий; и становилось понятно, что хорошо и что правильно. Что людей может притянуть зло вопреки внутреннему голосу добродетели. Невоздержанность. Душевная

скудость. Вот объяснение многих прискорбных пороков — например, рабства. Вот в чем причина. Люди, отдельные люди не были виноваты. Их следовало учить. Направлять. Своим примером показывать, как лучше. Несправедливость и бессердечие можно преодолеть. Спокойно. Терпеливо. Без лишнего шума, не привлекая внимания.

Шум — это для плохо воспитанных.

Волнение, страх, сомнения — все это следовало держать при себе. Следовало искать добро и находить его. Женщина находила добро, указывала на него, и мужчина, воодушевленный, клал его себе в карман. Таковы были правила.

Китти слышала, как дети плещутся в ванне; нескончаемое ворчание няни барабанной дробью проступало сквозь детское щебетание. Не буду их беспокоить, подумала она. Пусть порезвятся.

Но ее внимание привлек визг, а затем довольный смех Недди, и Китти повернула круглую ручку двери в ванную.

— Мама! — закричал Мосс.

Две мокрых головы повернулись к стоящей на пороге Китти.

— Ты взяла мишку, — с удовольствием отметил Недди.

— Взяла. — Китти с трудом удержалась от улыбки. — Но нам нужно поговорить...

— И в самом деле нужно. — Няня повернулась на своей табуретке; лицо ее было суровым. — Я сказала мальчикам, что сегодня все расскажу об их поведении.

Недди за ее спиной ухмыльнулся, зажал нос и погрузился в воду. Мосс во все глаза смотрел на мать.

— Очень хорошо, — сказала Китти, понимая, что от нее ждут строгости, что она должна что-то сказать. Но здесь, в ванне — ее мальчишки с мокрыми волосами и сияющими лицами. Недди поднялся из воды, держа в руке желтую машинку, с которой почти не расставался.

— Бултых, — сказал он и повез машинку по краю ванны. Это было так мило, так приятно.

— Поговорим после купания, — пообещала она няне. — Пришлите их ко мне в комнату, когда закончите. — Она отвернулась, чтобы скрыть улыбку, и вышла из наполненной паром ванной.

«О, — снова подумала Китти, шагая по коридору. — Вот оно. Опять». Жизнь.

В лучах заходящего солнца широкая кровать с аккуратно заправленным белым покрывалом и двумя подушками казалась больше. Окна уже закрыли; Китти посадила мишку на сиденье у окна и подняла вверх одну створку, желая впустить весь воздух, весь город — шум машин и стук каблучков по тротуару где-то далеко внизу. Вместе с глубокой темной весеннего вечера к ней поднялся запах тепла.

Она повернулась, сняла с запястий браслет с подвесками и золотые часы, сбросила шлепанцы, прошла в ванную, чувствуя через чулки прохладу зеленого кафеля, и повернула фарфоровые ручки крана в раковине. Оттуда хлынула ледяная вода. Испугавшись, Китти отдернула руки и увидела в зеркале свое искаженное гримасой лицо. Затем черты смотревшей на нее женщины разгладились, и Китти принялась разглядывать себя. У нее были типично хотоновские черты лица: хотоновский нос, высокие скулы над изогнутыми губами, которые теперь улыбались своему отражению и предшествующим поколениям.

«Урожденная Хотон, в замужестве Милтон, — одобрительно произнес отец, поднимая бокал на ее свадьбе. — Китти сменила одно «-тон» на другое. — Он усмехнулся гостям и заключил: — И проявила завидное благоразумие, оставшись в своей весовой категории».

Длинные обнаженные руки подружек невесты, лениво поднимавшие бокалы с шампанским, напоминали Китти

лебедей с изящно изогнутыми шеями, легко и беззвучно скользящих по воде в сумерках.

«Это лучшие годы твоей жизни. — Миссис Фиппс склонилась над белой скатертью и тронула руку Китти, чтобы привлечь ее внимание. — Ты этого еще не знаешь, но это так».

Китти зарделась и кивнула подруге матери, понимая, что должна поблагодарить ее, что собеседница не хотела ее уязвить. Но она знала: пожилые женщины — воровки. Они хотят украсть твои возможности, поставить тебя на место, сунуть себе в корзинку время, которое когда-то потеряли. Даже здесь, на ее свадьбе.

Что ж, пообещала себе Китти в тот вечер, она не будет им уподобляться. Растягивая губы в улыбке для миссис Фиппс, Китти решила: какой бы мудрой она ни стала, она никогда не скажет юной девушке, что *в конце каждого луга есть ворота*.

Она взяла пушистое полотенце и уткнулась в него лицом, а опустив его, увидела в зеркале Недди и Мосса — вымытых, в халатах и шлепанцах, с расчесанными волосами. Мальчики успели тихо и незаметно войти в комнату за ее спиной, обнаружить мишку и взобраться на сиденье у окна.

Сердце у Китти замерло.

Створка окна над их головами была высоко поднята. Ничто не отделяло их от уличного воздуха.

— Слезайте, мальчики, — сказала она в зеркало.

Они не слышали. Мосс стоял на коленях, прижавшись к подоконнику. Недди встал в полный рост, выглядывая наружу — слишком далеко, — чтобы перекинуть мишку через подоконник.

Китти резко повернулась и бросилась к нему:

— Недди!

Мальчик вздрогнул и оглянулся. И Китти поняла, что не успеет. Ничто уже не спасет его от открытого неба.

А потом он просто упал.